

— Да, — подтвердил слуга, — прибыл принц Чу.

— Быстрее, проси! Зови скорее! — засуетился Юнь Буши.

Пусть принц Чу и не пользовался благосклонностью при дворе, чиновник пятого ранга не имел права смотреть на него свысока.

— Господин Юнь, — окликнул его Ху Цинь.

— Отец, — прервал его Цзин Юньшу, — я полагаю, о проступке второго брата упоминать больше не стоит. Хотя это и сугубо домашнее дело, если о нём прознает принц Чу, это может бросить тень на репутацию вашей службы и доброе имя господина Ху.

Высокопоставленные вельможи, облечённые доверием императора, могли пренебречь подобными пустяками. Но для мелких чиновников главным мерилом на ежегодной аттестации оставалась безупречная личная добродетель. Если ты не способен навести порядок в собственном доме, твоя оценка неизбежно снижалась, закрывая путь к повышению. Так что слова Цзин Юньшу прозвучали как прямое предупреждение.

Разве Ху Цинь не знал, каков его племянник в действительности? Тот приходился ему родной кровью, и дяде просто хотелось сохранить лицо. Но стоило угрозе нависнуть над его собственной карьерой, как всякая жалость к Юнь Вэню улетучилась.

Но наложница Ху, будучи лишь женщиной, не понимала мужских расчётов. В ярости она вскочила с места и, указав пальцем на Цзин Юньшу, задохнулась от возмущения:

— Ты!..

У Цзин Юньшу не было ни времени, ни желания выслушивать её. Прибытие принца Чу, пусть и по неизвестной причине, давало ему отличную зацепку, и он не собирался упускать случай развернуть дело в свою пользу.

— Наложница Ху, — прервал её Цзин Юньшу, — мне, как младшему, не пристало вступать в ваши разговоры. Но раз прибыл принц Чу, мы обязаны позаботиться о репутации отца и господина Ху. Ссора между вторым братом и мной — лишь домашняя неурядица, однако вы поспешили призвать на помощь господина Ху, который всегда оберегал своих детей. Неужели вы недовольны решением моего отца? В какое положение вы ставите собственного брата? Об этой размолвке уже судачит всё поместье, а сейчас сюда войдёт Его Высочество. Я покорнейше прошу вас прекратить этот спор. Если же вы всё ещё недовольны, я готов прямо сейчас отправиться в фамильный храм и встать на колени рядом со вторым братом. Отец, матушка, прошу вашего дозволения.

С этими словами он опустился на колени.

Госпожа Ван поспешно подошла, чтобы поднять его, и повернулась к мужу:

— Господин мой, посмотри на это...

Юнь Буши досадливо махнул рукой:

— Встань сейчас же. В чём твоя вина? Ты думал лишь о благе семьи. Возвращайся к себе и отдохни. И чтобы о проступке второго сына я больше не слышал! Наложница Ху, ступай к себе.

Госпожа Ван мягко добавила:

— Я провожу наложницу Ху и постараюсь её успокоить. Не тревожьтесь понапрасну, господин мой.

Поступки госпожи Ван всегда отличались благоразумием, поэтому к её словам Юнь Буши прислушивался. Гнев его утих, и он согласно кивнул.

Цзин Юньшу своими словами выставил наложницу Ху вздорной бабой, которая устроила скандал на пустом месте, впутала в неприятности родного брата и выказала неповиновение мужу. От злости она побелела, яростно сжимая в кулаке платок. Но не успела она вымолвить и слова в своё оправдание, как муж выставил её прочь. От бессильной ярости у неё едва не перехватило дыхание.

Откланявшись, Цзин Юньшу скользнул за ширму. Ожидавшая его там Чжили помогла ему накинуть плащ, завязала тесёмки и вложила в руки небольшую ручную грелку. Стараясь не привлекать внимания, они вышли через боковую дверь во внутренний двор.

Как раз в этот момент в усадьбу вошли трое гостей во главе с принцем Чу. Юнь Буши и Ху Цинь поспешили им навстречу, но У Чэнсюань сразу же заметил Цзин Юньшу, который шёл по крытой галерее в сторону бокового флигеля. Всё остальное для принца вмиг перестало существовать. Сам того не замечая, он устремился к юноше.

— Господин Цзин... то есть, Юнь Саньлан! — не сдерживая радости, окликнул его У Чэнсюань.

Почувствовав на себе взгляд, Цзин Юньшу обернулся. Узнав принца Чу, он вежливо поклонился, сложив руки в приветствии:

— Приветствую Его Высочество принца Чу.

Желая подойти ближе, У Чэнсюань наткнулся на невысокую балюстраду галереи. Недолго думая, он приподнял полы роскошного халата и запросто перешагнул через перила.

Шедший следом Шэнь Сунсюнь попытался остановить его, но опоздал. Сгорая от стыда за столь вопиющее пренебрежение приличиями, он лишь обречённо опустил голову.

В прежнем его мире на подобную мелочь никто не обратил бы внимания, но здесь, где каждое движение подчинялось строжайшим правилам приличия, столь вольное поведение принца в чужом доме заставило Цзин Юньшу застыть в изумлении.

Пока он медлил, У Чэнсюань размашистым шагом подошёл почти вплотную. Принц порывался сделать ещё шаг, но вовремя спохватился и замер, внезапно застеснявшись своего напора.

— Госп... — начал было он.

Он вовремя осёкся, сообразив, что прежнее обращение «господин Цзин» может выдать тайну и навлечь на юношу неприятности. «А он, оказывается, весьма осмотрителен при всей своей порывистости», — подумал Цзин Юньшу и негромко произнёс:

— Ваше Высочество, если вам угодно, можете звать меня просто Юнь Саньланом.

У Чэнсюань расплылся в довольной улыбке.

— Сань... Саньлан. Тогда и ты зови меня Сы-ланом.

— Это недопустимо, — поспешно возразил Цзин Юньшу.

"Звать принца Четвёртым господином? Мы ещё не настолько близки, да и не по чину мне подобная дерзость".

У Чэнсюань, по всей видимости, понял его сомнения и поспешил переменить разговор:

— Саньлан... как твоё здоровье? Хорошо ли ты себя чувствуешь?

— Премного благодарен за заботу Вашего Высочества, мне уже лучше.

Глядя на непривычно робкого и смущённого принца Чу, Цзин Юньшу вдруг почувствовал, что его плохое настроение улетучилось. Страх перед этим грозным воителем он не испытывал вовсе. Повинуясь внезапному озорному порыву, он тихонько проговорил:

— Ваше Высочество, у вас венец съехал.

— Что? — спохватился принц Чу и поспешно схватился за нефритовый венец на макушке, но тот сидел идеально ровно.

Цзин Юньшу лишь прикрыл лицо широким рукавом и беззвучно рассмеялся.

Принц ничуть не обиделся на шутку. Он заворожённо смотрел на улыбающегося юношу.

— Саньлан... в твоих глазах сейчас словно отражается свет луны и звёзд.

Шэнь Сунсюнь больше не мог выносить этой сцены. Наклонившись к галерее, он негромко напомнил:

— Ваше Высочество! Глава семейства Юнь всё ещё здесь!

Цзин Юньшу отвесил вежливый поклон:

— Прошу простить мою дерзость. Пожалуй, я откланяюсь.

Принц Чу будто только сейчас вспомнил, что они здесь не одни. Он торопливо поклонился в ответ и проводил юношу взглядом. Лишь когда тот скрылся во флигеле, принц вернулся на дорожку. Юнь Буши и Ху Цинь, уловив момент, тут же поспешили навстречу.

— Не ожидал я, что Его Высочество и мой недостойный сын давно знакомы, — заговорил Юнь Буши.

— Да, — безучастно обронил У Чэнсюань.

Его лицо вновь стало бесстрастным. Овеянный грозной славой воителя, принц нагнал на хозяев усадьбы такого страху, что те едва дышали, ощущая исходящую от него ледяную ауру.

Юнь Буши и Ху Цинь вели себя тише воды ниже травы. Они почтительно проводили принца в парадный зал, усадили на почётное место и велели подать лучший чай. Наконец Юнь Буши, тщательно взвешивая каждое слово, спросил:

— Визит Вашего Высочества в мою скромную обитель — великая честь для нас. Могу ли я узнать, какое дело привело вас сюда?

У Чэнсюань ответил без обиняков:

— Мы с вашим третьим сыном — друзья. Я пришёл навестить его и надеюсь, что не слишком вас стеснил.

— Что вы, что вы, помилуйте! — поспешно замахал руками Юнь Буши. — Быть может, мне лично проводить Ваше Высочество к нему?

Оставаться наедине с угрюмым полководцем мирным чиновникам было не вмоготу — общих тем для разговора у них всё равно не нашлось бы, а гнетущее молчание давило на плечи.

— Нет нужды утруждаться, пусть дорогу укажет слуга, — отказался У Чэнсюань.

Вернувшись в свои покои, Чжили не удержалась и, прикрыв рот ладонью, тихонько приснула со смеху:

— Надо же, грозный принц Чу... а перед вами, молодой господин, робеет, точно мальчишка.

— Язык твой — враг твой, — строго выговорил ей Цзин Юньшу. — Впредь держи свои суждения о знатных особах при себе.

"И мне самому не мешает попридержать язык", — мысленно упрекнул он себя. С чего вдруг в присутствии принца он начисто позабыл об осторожности? Непростительная оплошность.

— Слушаюсь, — тут же посерьёзнела Чжили. Она помогла ему снять плащ, налила горячего чаю и тихо выскользнула из комнаты.

Вскоре слуга доложил о прибытии высокого гостя. Цзин Юньшу поднялся с кушетки, чтобы встретить принца у порога.

Принц сделал глоток горячего чаю.

— Что привело Ваше Высочество в мою скромную обитель? — спросил Цзин Юньшу.

Принц ненадолго задумался, а затем признался:

— Не стану скрывать: я велел своим людям присматривать за усадьбой Юнь. Опасался, что дядя второго брата решит выместить на тебе злобу. Сам я ждал на крыше главного зала и спустился лишь потому, что побоялся, как бы тебе не пришлось туго. — Заметив, как вскинулся юноша, он поспешно добавил: — Но у меня и в мыслях не было следить за тобой, уверяю!

Цзин Юньшу почувствовал, как к сердцу подступило непривычно тепло. Он искренне оценил заботу У Чэнсюаня. Внезапно вспомнив об одной вещице, он позвал:

— Чжили, принеси ту грелку с кирином.

Ранее Мао Юн прислал ему целый ящик диковинных вещиц. Помимо шара дьявольской работы, там лежала эта бронзовая грелка с кирином. Отлитая в виде забавного, пухлого кирина —

мифического зверя, приносящего счастье и долголетие, — она была настоящим произведением искусства. Однако Цзин Юньшу она без надобности пылилась в сундуке. Хотя искусный мастер и постарался сделать стенки потоньше, бронзовое изваяние всё равно оставалось слишком тяжёлым для его слабых рук.

Бронза со времён упадка династий Чжоу давно утратила статус священного металла для царских сосудов и вошла в обиход. С появлением дешёвых сплавов её производство почти угасло, ограничив применение лишь зеркалами. Сама по себе бронзовая грелка с кирином не нарушала законов о роскоши, а стилизованный узор не вызывал вопросов. И всё же фигура кирина — зверя императорского величия — в доме обычного чиновника могла привлечь ненужное внимание. Цзин Юньшу не желал навлекать на себя беду и поначалу собирался вернуть вещь Мао Юну для переплавки, но теперь для редкой безделушки нашёлся куда более подходящий владелец.

Чжили принесла грелку. Цзин Юньшу взял её в ладони, осмотрел со всех сторон и протянул гостью:

— Ваше Высочество, эту вещицу мне подарили недавно. Работа на редкость изящна, а образ кирина сулит покой и долголетие. Я берёг её для особого случая. Если вы не побрезгуете столь скромным даром, прошу, примите его.

При виде подношения принц заметно приободрился и даже разговорился:

— Я ведь воин, закалён в походах. Здоровьем не обижен, да и руки зимой у меня никогда не мёрзнут, — с этими словами он потянулся за подарком.

Ещё никто и никогда не отвергал его дары столь бесцеремонно. Цзин Юньшу прищурился и крепче сжал бронзовую фигурку. Он сдержал раздражение и сухо проговорил:

— Что ж, раз Его Высочеству это без надобности, скажите, что вам по душе, и я непременно подыщу что-нибудь другое.

С этими словами он потянул грелку обратно.

Почувствовав сопротивление, принц торопливо перехватил грелку и принялся оправдываться:

— Нет-нет! Я вовсе не то имел в виду! Подарок Саньлана... я... я буду беречь его как величайшее сокровище!

Только тогда Цзин Юньшу смягчился и разжал пальцы:

— В таком случае я велю положить туда угли, чтобы дорога обратно показалась вам теплее.

Он позвал Чжили и приказал разжечь угли для грелки.

\*\*\*

Чтобы не терять времени, принц даже в зимнюю стужу отправился в путь верхом. Оставленный присматривать за конями в глухом переулке Ду Хэн порядком озяб. Дрожа от холода и то и дело растирая ладони, он наконец завидел выходящих из ворот У Чэнсюаня и Шэнь Сунсюня. Заметив в руках наставника какой-то предмет, он удивлённо спросил:

— Неужели в усадьбе Юнь расщедрились на подарки?

Шэнь Сунсюнь с любопытством оглядел изящную грелку:

— Это от Юнь Саньлана. Вещица тонкой работы, искусного литья, на рынке такую днём с огнём не сыщешь. Стоит она, должно быть, целое состояние. И надо же, расстался с ней без тени сожаления! Похоже, у этого чиновника пятого ранга в закромах побольше добра, чем у моего почтенного семейства.

— Это подарок не от усадьбы Юнь, а от самого Саньлана, — поправил его принц. — И отдал он её не просто так. Он признался, что сам берёт эту вещь. А то, что любо Саньлану, дешёвкой быть никак не может.

Горделивый тон принца заставил Шэнь Сунсюня закатить глаза. Однако, вспомнив о поведении Цзин Юньшу во время семейной распри, наставник посерьёзnel:

— Но должен признать, судя по его речам в парадном зале, парень этот с характером. Весьма неглуп.

Ду Хэн, не видевший сцены, усмехнулся:

— Раз уж сам господин Шэнь признаёт его ум, значит, юноша и впрямь выдающийся.

— Если бы Ваше Высочество переманил его на свою сторону, это избавило бы нас от множества забот, — задумчиво проговорил Шэнь Сунсюнь.

Принц бесцеремонно забрал у него грелку и обернулся, бросив долгий взгляд на ворота усадьбы Юнь:

— Он слишком слаб здоровьем. В столице сейчас слишком опасно. Я сам хожу здесь по тонкому льду и не позволю втянуть его в наши распри.

— Какая избирательная забота, Ваше Высочество! — притворно возмутился Шэнь Сунсюнь. — Значит, за него вы боитесь, а за мою жизнь, выходит, не страшно?

Вместо ответа принц взлетел в седло и пустил коня в галоп.

— Постойте, Ваше Высочество! Не смейте уходить от ответа! Объяснитесь! — закричал Шэнь Сунсюнь, пришпоривая коня.

Ду Хэн лишь громко расхохотался и устремился следом.

<http://bllate.org/book/18296/1768599>